

М. М. Сафонов

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУЦАРСТВИЯ

19 ноября 1825 года Александр I неожиданно скончался в Таганроге. В момент смерти самодержец был императором всероссийским и королем Королевства Польского. В Польше Александр являлся монархом, власть которого была ограничена Польской конституцией 1815 года. В России он оставался неограниченным самодержцем. Сочетание двух не сочетаемых в одном лице статусов выглядело более, чем противоречиво. Когда начальник Главного штаба И. И. Дибич оформлял акт о смерти Александра I, генерал затруднялся, следует ли в этом документе назвать усопшего только российским императором, опустив упоминание о королевском титуле, либо же должно употребить оба термина¹. Затруднение Дибича не было следствием какого-то недоразумения. Начальнику Главного штаба очень хотелось, чтобы со смертью Александра российский самодержец не носил титула Польского короля.

27 ноября 1825 года в Петербурге узнали о смерти царя. В собрании Государственного был вскрыт секретный пакет, в котором хранилась одна из копий завещания умершего монарха. Всего копий было три. Две других находились в Сенате и Синоде. Подлинник покоился в ковчеге Успенского собора Московского Кремля. В пакете находился манифест Александра I о передаче престола третьему по старшинству сыну Павла I великому князю Николаю Павловичу, в то время как на основании действующего на тот момент в России павловского закона о престолонаследии трон должен был перейти старшему после усопшего брату цесаревичу Константину. В качестве приложения к манифесту было помещено письмо Константина, в котором он просил Александра разрешить ему уступить право на наследование трона тому, кому надлежит по установленному порядку. Тут же находился рескрипт Александра I, изъявлявший согласие на просьбу брата. Манифест усопшего вводил новое толкование павловского закона о престолонаследии. Новация заключалась в следующем. То лицо, которому после смерти монарха по праву родства переходит трон, становится наследником не автоматически на основании порядка родства, но должен быть прежде провозглашен таковым царствующим императором. В этом отступлении от нормы, установленной Павлом I, можно усмотреть некоторое возвращение к петровскому закону о наследии трона, когда монарх мог назначить своего приемника по собственному усмотрению. При воцарении Александра I в ночь с 11 на 12 марта присяга приносилась императору и наследнику, который объявлен будет. Но за 25 лет царствования Александра такого объявления так и не последовало. В обществе принято было считать Константина наследником, потому что он был старшим братом бездетного Александра. Однако ни один официальный

¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. IV. СПб., 1998. С. 578.

документ александровского царствования не называл Константина наследником российского престола. На основании нового истолкования закона о престолонаследии цесаревич таковым и не являлся, потому что царствующий монарх не объявил его своим наследником. Таковым манифест Александра провозглашал Николая. Однако в этой юридической комбинации заключался один очень существенный дефект. Царствующий монарх должен был объявить своим наследником то или иное лицо еще при жизни, а не в завещании, обнародованном посмертно.

Историки, как и многие современники событий, упрекали Александра за то, что он не объявил свой манифест о передаче престола Николаю в обход Константина при жизни, когда его волеизъявление стало бы законом. Однако такого рода обвинения являются следствием недостаточного знакомства с текстом самого манифеста. Из текста же явствует, что в такой форме он не мог быть обнародован при живом Александре, ибо это загробная, завещательная воля, оформленная так, чтобы быть объявленной только после смерти монарха – «когда царь царствующих призовет нас к себе».

Историки недоумевали, стараясь рационально объяснить, почему Александр не объявил о передаче престола Николаю еще при жизни и тем самым спровоцировал то, что получило название «междущарствие», сопровождавшееся социальным катаклизмом. С легкой руки Н. К. Шильдера многие ученые склонялись к мысли о том, что объяснение этого надо искать в сфере иррационального². Этой же точки зрения придерживались нумизматы, исследователи константиновского рубля³. Совсем недавно было высказано мнение о том, что события междущарствия являлись «незамеченным дворцовым переворотом»⁴. Общее между этими разноречивыми точками зрения заключалось в том, что исследователи искали объяснения причины такого необычного явления как междущарствие, в отношениях между различными членами императорского семейства. Между тем еще в 1948 году один из тончайших знатоков истории александровского царствования С. Б. Окунь во втором издании своего лекционного курса указал на то, что ключ к событиям междущарствия, спровоцированного завещанием Александра I, надо искать в польской политике царя⁶. Однако ленинградский исследователь не развил этой мысли в последующих изданиях своего курса. Более того в них уже не было упоминания о связи, существующей между польской политикой Александра I и событиями междущарствия. Между тем именно польские планы российского императора позволяют правильно понять происхождение такого странного на первый взгляд документа, как завещание Александра I. Именно такая постановка вопроса дает возможность дать ответ, зачем царь составил этот манифест и почему самодержец придал данному документу именно такую форму.

² Шильдер Н. К. Император Александр Первый... С. 282; Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.: Л., 1926. С. 59.

³ Константиновский рубль. М., 1991. С. 6–66.

⁴ Белоусов М.С. Незамеченный дворцовый пеерворот // Вестник С-Петербургского Государственного Университета. История. 2021. Т.66. Вып. 1. С. 79–97.

⁵ См. подробный обзор литературы: Там же. С. 80–84.

⁶ Окунь С.Б. История России. 1796–1825.Л. 1948. С. 447.

1 июля 1817 года Великий князь Николай Павлович вступил в брак с прусской принцессой Шарлотой Гессенской, нареченной в православии Александрой Федоровной. В этот же день, 1 июля 1817 года Александр I подписал указ о создании Литовского корпуса⁷. Между такими разнородными событиями как бракосочетание и создание новой военной единицы, существовала прямая связь. К сожалению, биографы Николая I, этой связи, имеющей важнейшее значение для объяснения всех последующих событий, не заметили. Скажу больше, современный биограф Николая I Л. В. Выскочков не только не сумел понять тот механизм, который вознес третьего сына Павла I, не имевшего никаких шансов занять российский престол при живом Константине, но вообще оказался не в состоянии осознать истинные причины, приведшие третьего брата усопшего государя к власти⁸. А без этого биография российского императора Николая I выглядит не только не полной, но я бы даже сказал ущербной.

Каковы же были эти причины?

Они напрямую связаны с польскими планами Александра I. Как известно Польша являлась разменной картой в противостоянии наполеоновской Франции и александровской России. Вопрос же о восстановлении польского государства, уничтоженного в конце XVIII века, делал ее картой козырной. После разгрома Наполеона на Венском конгрессе по инициативе Александра I из Герцогства Варшавского, созданного французами, было образовано Королевство Польское, которое стало частью Российской империи, и было накрепко связано с ней одной правящей династией.

21 апреля/3 мая 1815 года был подписан трактат между Россией, Австрией и Пруссией. Варшавское герцогство, созданное Наполеоном, навсегда присоединилось к России. Александр I провозглашался польским королем⁹. 9/21 мая 1815 года манифест возвестил о присоединении к России герцогства Варшавского созданию Царства Польского¹⁰. Тогда же был учрежден придворный штат варшавского двора и назначены чины его. По пути с Венского конгресса Александр посетил Варшаву. После этого посещения придворные экипажи и лошади были оставлены в Варшаве¹¹. 29 мая/9 июня 1815 года был подписан заключительный Генеральный акт Венского конгресса. Императору и королю Польскому этот документ представлял право расширять территорию Королевства Польского за счет его собственных владений¹². 15/27 ноября 1815 года Александр I подписал конституцию Царства Польского. Она была опубликована на французском языке в «Дневнике законов Царства Польского»¹³. Александр I был провозглашен польским королем. А в акте об образовании

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXIII. СПб., 1830. (Далее: ПСЗ). № 26950.

⁸ Выскочков Л.В. Николай I. М., 2003. С. 44–45.

⁹ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. III. СПб., 1876. С. 319, 336; ПСЗ. №№ 25824, 25827.

¹⁰ ПСЗ. № 25842.

¹¹ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Т. III. СПб., СПб, 1905. С. 176, 356.

¹² Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций... С. 237; ПСЗ. № 25863; Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 94.

¹³ Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. (1814–1881). СПб., 1907. С. 5, 64–108.

Королевства (в русской транскрипции Царства) Польского говорилось о том, что его территория не может быть уменьшена, но дальнейшее расширение ее возможно. Акт гласил: «*Sa Majeste Imperiale se réserve de donner à cet Etat joussant d'une administration distincte, l'extension intérier qu'elle jujera convenable*». То есть: «его императорское величество оставляет за собой дать этому государству с особым управлением внутреннее расширение, каковое сочтет нужным»¹⁴.

Собака была зарыта в двусмысленном выражении «l'extension interior», то есть «внутреннее расширение». Можно видеть в нем обещание территориального приращения или же расширение особого управления, то большей самостоятельности. Ученые и по сей день по-разному толкуют это двусмысленное выражение и находят эту двусмысленность намеренной. Но большинство современников увидели в этой фразе право императора и польского короля расширять территорию королевства Польского за счет его собственных владений. Такого же мнения совершенно справедливо придерживаются авторы коллективного труда «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830»¹⁵.

Эта многообещающая фраза отражала стремление Александра создать на западной границе России мощный форпост против западных государств. В беседе с генерал-адъютантом А.И. Михайловским-Данилевским во время поездки по западным губерниям царь так мотивировал свои намерения: «Польское царство послужит нам авангардом во всех войнах, которые мы можем иметь в Европе; сверх того, для нас есть еще та выгода, что давно присоединенные к России польские губернии, при могущей встретиться войне, не зашевелются, как то бывало прежде, и что опасности сей подвергнуты Пруссия, которая имеет Позень и Австрия, у которой есть Галиция»¹⁶.

Но для того, чтобы этот заслон мог быть эффективным, он должен был быть достаточно силен и жизнеспособен. Для того чтобы возрожденная Польша могла стать сильным государством, она должна была обладать достаточной для этого территорией, располагать значительными людским ресурсами, иметь выход к морю и быть обеспеченным полезными ископаемыми.

Поэтому Александр всерьез думал о воссоздании Речи Посполитой. Это означало бы не только возвращение Польше русско-польских губерний, отошедших в ходе разделов последней четверти XVIII в., но и восстановление Великого княжества Литовского. Но этого было еще недостаточно, необходимо было склонить Австрию и Пруссию вернуть Польше отобранные в ходе разделов у нее территории. Однако это грозило развалом Священного союза, которым русский царь весьма дорожил. Поэтому на первый план вставал вопрос о восстановлении Великого княжества Литовского и возвращении русско-польских губерний, отобранных от Польши в ходе разделов XVIII века. Этого настоятельно и недвусмысленно требовала польская сторона. И царь не мог не реагировать на эти требования. Но замысел Александра I встретил резкое осуждение среди русской элиты. Он был связан с материальными потерями дворянства, крупной земельной знати, обогатившейся в ходе разделов Польши. Эта материальная подкладка сопротивления польской политике царя маскировалась

¹⁴ Аскенази Ш. Царство Польское. 1815–1830. М., 1915. С. 25

¹⁵ Польша и Россия в первой трети XIX века... С. 94.

¹⁶ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Т. IV. С. 63–64.

расхожими утверждениями, что царь «влюблен в Польшу», предпочитает поляков соотечественникам и презирает русских. Поэтому любая похвала польским чиновникам, польскому дворянству, подчеркнутая любезность с польской знатью, особенно с дамской ее частью, что было продемонстрировано русским царем во время его визита в Варшаву во второй половине 1816 года, воспринимались в контексте дворянских опасений, окрашенных в патриотические тона. Поскольку в Варшаве был образован польский двор Александра как короля Польши и туда даже были доставлены придворные экипажи для этого двора, это дало основание для подозрений, что император готовится к тому, чтобы перенести свою столицу в Варшаву, любимое свое «европейское владение»¹⁷.

По авторитетному мнению авторов коллективного труда «Польша и Россия в первой трети XIX века», 1815–1825 годы можно считать временем, когда польская политика самодержавия стала средоточием разногласий между властью и обществом. В ней, как в фокусе отразилось «расхождение официального курса с оппозиционными настроениями, захватившими различные круги»¹⁸.

Создание особого Литовского корпуса, которым сопровождалось бракосочетание Николая, было первым шагом на этом опасном пути, ведущему к разделению двух престолов: польского и российского. Он породил сильнейшую тревогу в российских верхах

Указом 14 октября 1817 года был определен состав этого корпуса. Он должен был набираться из уроженцев Вильнской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской губерний, а также Белостокского округа. Причем, уроженцы этих губерний в составе русской гвардии переводились в Литовский корпус. Корпус был обмундирован по польскому образцу. У него был особый герб – «Литовские погоны» – государственный герб Литвы на груди двуглавого российского орла, вместо Святого Георгия. Литовский корпус представлял собой самостоятельную единицу, обособленную от русской армии. Очевидно, он предназначался к слиянию с войсками Царства Польского. Корпус насчитывал 40 тысяч человек. Присоединение его к польской армии, главнокомандующим которой являлся Константин Павлович, увеличило бы численность вооруженных сил Царства Польского почти вдвое¹⁹.

Почти одновременно с созданием Литовского корпуса летом 1817 года в обществе поползли тревожные слухи о том, что в скором времени царь вернет Польше западные польско-российские губернии, отторгнутые у Речи Посполитой в ходе ее разделов в XVIII века. Проблема усугублялась тем, что в Герцогстве Варшавском, созданном Наполеоном, император французов отменил крепостное право, на российских же территориях оно продолжало существовать и прежде, чем их вернуть Польше, крестьян предстояло освободить. Поэтому вопрос о восстановлении Речи Посполитой оказывался тесно связанным с вопросом об отмене крепостного права в России. Против того и другого выступало, почти единодушно, дворянство России и созданные как орудие противодействия польской политике Александра российские тайные общества, за которыми стоял один из главных борцов против полонофильства

¹⁷ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма, документы. М., 1951. С. 16.

¹⁸ Польша и Россия в первой трети XIX века. С. 469–470.

¹⁹ ПСЗ. № 26951.

императора генерал М. Ф. Орлов, один из создателей «Ордена русских рыцарей», соединившегося впоследствии с «Союзом спасения» Александр I собирался публично объявить о своем намерении вернуть Польше русско-польские губернии при открытии I Сейма Царства Польского в марте 1818 года в Варшаве. Однако он был вынужден отказаться от своего намерения в виду сильнейшей оппозиции его планам в русском обществе. Перед отъездом в Польшу на Сейм Александру стало известно о двух проектах цареубийства. Один исходил из «Союз спасения», когда в Москве был разыгран спектакль с вызовом на цареубийство И. Д. Якушкина²⁰. Второй, столь же нелепый, если еще не более, связывался с греческой организацией «Филики Этерия», ставившей цель освобождение Греции от османского ига²¹. Император отказался от публичного заявления о своих намерениях не без влияния министра иностранных дел И. И. Каподистрии, считавшего приоритетным направлением внешней политики России освобождение Греции, и поэтому противодействовавшего польским планам императора. Но Александр, тем не менее не оставил своих намерений. Покидая Варшаву, он поручил Н. Н. Новосильцеву подготовить перевод с латинского языка двух грамот об унии Речи Посполитой и Великого князя Литовского. Между тем в прибалтийских губерниях в 1817–1819 годах была проведена отмена крепостного права. Согласно донесениям прусского посла Шепера начала 1819 года освобождение крестьян в Литовских губерниях считалось необходимою предпосылкой соединения «русско-польских губерний с королевством». Прусский консул в Варшаве Шмидт 9 февраля 1819 года донес в Берлин о намерении присоединить Литовские губернии к Польше, как о деле решенном²². Именно в этом контексте следует рассматривать первый разговор Александра Павловича с великим князем Николаем в Красном Селе в июле 1819 года. Когда Николай I в середине 1830 годов составлял записки о своем воцарении, то об этом знаменательном разговоре с августейшим братом, он поведал буквально следующее. Император недвусмысленно дал понять своему третьему брату, что, именно ему, Николаю, предстоит занять российский престол вместо Константина²³.

Никто из биографов, в том числе более обстоятельных, чем Л. В. Выскочков, не связал этот разговор с польской политикой Александра I. Однако доверительная беседа двух братьев имело к ней самое прямое отношение. Совершенно очевидно, Николай не был вполне откровенен, когда впоследствии записал воспоминание об этом разговоре. Возможно ли, чтобы Николай, служака до мозга костей, ничего не знал о создании Литовского корпуса, вызвавшего негодование у наиболее видных представителей военных кругов, созданного демонстративно в день его бракосочетания? Разве великий князь ничего не слышал о том возмущении, которое вызвало намерение старшего брата вернуть Польше западные губернии? Ведь именно Николай сообщил потомкам, что Александру стало известно о вызове Якушкина и о

²⁰ Сафонов М.М. Речь Посполитая и «Московский заговор» 1817 года // Россия – Польша. Два аспекта европейской культуры. Материалы XVIII Царскосельской научной конференции. СПб, 2012. С. 491–503.

²¹ Арш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 183.

²² Вернадский Г.В. Государственная Уставная Грамота Российской Империи. Прага. 1925. С. 30. Автор ссылается на Берлинский архив, Russie. № 67. Л. 89.

²³ 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 317–318.

том, какое удручающее впечатление это произвело на императора. Вот как об этом рассказал Николай в своих замечаниях на известную книгу М. А. Корфа: «По некоторым данным я должен полагать, что Государю еще в 1818-м году в Москве после Богоявления, сделалось известными замыслы и вызов Якушкина на цареубийство; с той поры весьма заметна была в Государе крупная перемена в расположении духа, и никогда я его не видел столь мрачным, как тогда. Впоследствии сей наружный оттиск расположения души изгладился»²⁴.

Причины умолчания Николая понятны. Он, как и М. А. Корф, следовавший буквально августейшим указаниям, делал вид, будто у Александра I никаких польских планов не было. Николай, не разделял устремлений брата относительно Польши и предпочитал делать вид, будто таковых и вовсе не было. Но главная причина умолчаний заключалась в другом. Признав, что ему было известно, какие замыслы Александр лелеял относительно российского трона и польской короны, Николай лишал бы себя возможности утверждать, что ему якобы ничего не было известно о завещании брата. Он, дескать и поступал так, как поступал, потому что находился в полном неведении.

Разговор с Николаем имел место в середине лета 1819 года. А уже в сентябре Н.М. Карамзин представил царю мемуар, в котором авторитетнейший в глазах императора историограф, выступавший негласным советодателем по основным вопросам внутренней и внешней политики, буквально заклинал Александра отказаться от своих польских планов. Историограф писал, что восстановление «древнего Королевства Польского» чревато не только потерей губерний, приобретенных Россией в ходе разделов, но гораздо большими территориальными потерями. Он пугал царя тем, что если он отдаст Белоруссию, Волынь, Подолию вместе с Галицеею, то от него потребуют «и Киева и Чернигова и Смоленска», ибо они также принадлежали враждебной Литве»²⁵.

Примерно в это же время (точная дата неизвестна) председатель департамента законов Государственного совета Н.С. Мордвинов составил записку по польскому вопросу. Текст ее сохранился в личном архиве адмирала. Неизвестно была ли она представлена царю. Но как бы то ни было «русский Аристид» выражал в ней не только личное мнение. Его устами глаголила российская аристократия, квалифицирующая польские планы Александра как проявление деспотизма²⁶.

Довольно откровенный протест российских верхов и потенциальная угроза личной расправы, исходившая из тайного общества, которое потом назовут декабристским, хотя в рассматриваемый период его правильнее было бы назвать антиполонистским, заставили Александра временно отказаться от реализации своих планов. Думается, что внутренняя жизнь декабристкой конспирации, серьезно повлияла на такое решение царя. Теоретическое обсуждение вопроса о преимуществах разного рода правления, предпочтения республиканскому с фразами типа «*president sans phrases*», вызывающими ассоциации с казнью Людовика XVI, наконец, опять же чисто теоретическая дискуссия о необходимости цареубийства,

²⁴ Там же. С. 346.

²⁵ Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. I. СПб., 1862. С. 6.

²⁶ Архив графов Мордвиновых. Т. IV. СПб., 1902. С. XX–XXXIII.

после которых, все проголосовавшие «за», оставались убежденными монархистами, заставили царя временно отступить. Но как только он это сделал, последовал фиктивный роспуск декабристкой конспирации в форме «Союза Благоденствия», о чем тут же стало известно монарху. Когда антипольские протесты смолкли, а деятельность тайных обществ настолько замерла, что можно было сказать, что она сошла на нет, Александр снова делает шаг по реализации своих польских планов. Этот новый приступ датируется началом 1822 года. К этому времени в императорском семействе уже произошли важные события. Они облегчили выполнение плана и сообщили ему новый импульс. Александр стал принимать конкретные шаги к разделению корон российской и польской. В марте 1820 года цесаревич Константин вступил в морганатический брак: женился на польке И. Грудзинской, не принадлежавшей к владетельному дому. Она получила титул княгини Лович, но осталась католичкой. Спустя три месяца последовал манифест, объявивший о том, что дети, рожденные от морганатического брака, не могут наследовать российский престол. Это означало, что Россию в будущем снова ждет бездетный император или, что Константин не будет российским царем, потому что жена православного царя не может быть католического вероисповедания. В январе 1822 года цесаревич в письме на имя Александра просил уволить его от прав на российский престол, вытекающих из закона о престолонаследии, а в феврале того же года он получил согласие царя на это²⁷. Полгода спустя 29 июня 1822 года двумя указами Александр назначил главнокомандующего Литовского корпуса цесаревича Константина главнокомандующим в губерниях Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Белостокской области²⁸. Ему были присвоены «*все права, власть и преимущества*», предоставленные главнокомандующим по учреждению действующей армии от января 1812 года²⁹. По сути дела это означало, что все верховное управление на этих территориях, ранее входивших в Великое княжество литовское, перешло в руки цесаревича. Чиновники этих областей носили мундиры польского образца с малиновым воротником³⁰. Такое положение объявлялось «впредь до нашего указа», то есть, временным. 16 августа 1823 года Александр подписал манифест о передаче после его смерти «*назначенному ... наследственному императору единого неразделенного всероссийской империи, Царства Польского и Княжества Финляндского престола*» третьему своему брату Николаю³¹. Манифест, как уже отмечалось, был положен в Успенский собор, а копии его в высшие государственные учреждения, но остался не опубликованным. Причем на конверте была сделана надпись о том, что он может быть возвращен назад по первому требованию императора. То есть допускалась возможность изменения в будущем устанавливаемого порядка.

Создание Литовского корпуса, выделение территорий, ранее входивших в Великое княжество Литовское в самостоятельную территориальную единицу во главе с Константином, обладавшим на этом пространстве всей полнотой гражданской и

²⁷ Шильдер. Н.К. Император Александр Первый. Т. IV. С. 278–282.

²⁸ ПСЗ. № 29087.

²⁹ ПСЗ. № 29088.

³⁰ Аскенази Ш. Царство Польское. С. 109.

³¹ 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 223

военной власти, указывает на то, что Александр шел по пути восстановления этого средневекового государства под управлением цесаревича. Если же учесть, что акты 1423 и 1551 года провозглашали союз Великого княжества Литовского и Речи Посполитой³², приказание Александра, данное сенатору Н. Н. Новосильцеву по окончании первого Сейма, несколько проясняют планы Александра. По-видимому, он намеривался восстановить Речь Посполитую в форме унии Царства Польского и Великого княжества Литовского. Согласно акту Венского конгресса польский престол должен был быть занят представителем российской династии. Манифест 16 августа 1823 года объявлял Николая наследником нераздельного «всероссийской империи, Царства Польского и Княжества Финляндского престола». То есть третий брат Александра оставался польским королем. Но восстановление Великого княжества Литовского во главе с Константином, не так уж важно с каким титулом, могло передать в руки цесаревича реальное управление соединенных унией государств: Польши и Литвы, не нарушая Генерального акта Венского конгресса. Из этого следовало, что манифест о передаче российского престола Николаю, представлял собой только первый шаг в этой комбинации. За ним должен был последовать и второй, касающегося нового статуса Константина. Неслучайно же, секретный пакет с манифестом, положенный в ковчег, содержал надпись о том, что он должен быть возвращен царю по первому требованию. Но сделать этот второй шаг Александр не успел. После того, как манифест был положен в Успенском соборе, об акте узнало достаточно много людей, так что содержимое пакета было секретом полишинеля. Осенью 1823 года наблюдался целый каскад цареубийственных проектов, возродившегося тайного общества, но проектов столь же химерических, как и все предыдущие. И на этот раз Александр отложил реализацию своего польского проекта в долгий ящик, а Карамзину сказал, что историк удержал его от неверных идей³³. Однако, находясь в Варшаве после III-го польского Сейма в июне 1825 года, император сделал несколько заявлений, что в самом ближайшем будущем он реализует свои прежние обещания³⁴. Эти декларации были сделаны в присутствии Константина и польской знати. Заявления царя вызвали к жизни, как это было и прежде, новые цареубийственные проекты. Такого же рода, как и прежние. Я имею в виду донос И. В. Шервуда, письмо Д. И. Завалишина, и наконец, демонстративные заявления А. И. Якубовича.³⁵

Мы очень недооценили бы Александра, если бы допустили, что он не понимал юридическую двусмысленность своего завещания. Думается, что царь лучше других сознавал, что престолом нельзя распоряжаться по завещанию, и что мертвые не имеют воли по принципу «мертвый медведь в лесу не хозяин». Неопубликованный при жизни

³² Всеподданнейшая записка Н.Н. Новосильцева Александру I: историческая справка о соединении Литвы и Польши // Русская старина. 1882. Т. XXXV. С. 142-144; Польша и Россия в первой трети XIX века. С. 341.

³³ Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. I. С. 7.

³⁴ Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Кн. I. М., 1997. С. 163-164.

³⁵ Сафонов М.М. И.И. Дибич и декабризм // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16-17 мая 2013 г. М., 2013. С. 605-606.

манифест не только не получал законной силы после смерти монарха, но мог стать причиной междоусобной борьбы.

Зачем же он пошел на такой шаг?

Посадив Константина «на Польшу», император удалил из столицы младшего брата, который мог бы служить потенциальной альтернативой ему. Так царь избавлялся от опасного соперника. Александру прекрасно были известны и властные амбиции младшего брата честолюбивого Николая. Положив манифест в Успенском соборе, и сделав это известным Николаю, царь превращал опасного соперника, в преданного сторонника, ибо с этой минуты никто не был столь же заинтересован в сохранении власти у Александра, как его младший брат. Более того именно Николай должен был желать того, чтобы Александр благополучно здравствовал, ибо царем было сделано только полдела. Преждевременная кончина свела бы на нет уже сделанное. «Властитель слабый и лукавый» создал комбинацию, в результате которой существовало два претендента на престол, но никто из них не мел бесспорных прав. Стоило бы одному из них попытаться придвинуть трон к себе раньше времени, как он лишился бы перспективы воссесть на него в будущем.

Чтобы не входить в противоречие с Генеральным актом Венского конгресса престол Царство Польского оставался бы занят российским императором, то есть Николаем, но объединенное унией с Великим княжеством Литовским новое государство управлялась бы правителем княжества Константином. При этом возникал юридический казус, который появился при даровании конституции Царства Польского. Российский император обладал двойным статусом: в Польше он правил как конституционный монарх, а в России оставался неограниченным самодержцем. Предполагаемое введение «Уставной грамоты» в России могло устранить это юридическое противоречие. Заслуживает внимания предположение, высказанное С. В. Мироненко о том, что Александр I не спешил объявить Николая своим наследником потому, что прежде этого намеривался ввести в России «Уставную грамоту», то есть даровать стране конституцию³⁶. При такой комбинации было бы устранено юридическое противоречие. Российский конституционный монарх Николай был бы конституционным королем в Царстве Польском, в то время как Речь Посполитая, составленная из Царства Польского и Великого княжества Литовского управлялась бы Константином. Можно сказать, что Александр умер «в начале славных дел». Умер неожиданно при довольно странных не до конца проясненных обстоятельствах. К числу их следует отнести и неотмеченный еще в литературе факт. Личную охрану дома в Таганроге Александр, не доверявший гвардии, поручил казачьему полковнику С. С. Николаеву с отрядом казаков. Но начальник Главного штаба И. И. Дибич удалил Николаева из Таганрога, отправив его в Харьков на встречу со своим агентом И. В. Шервудом³⁷. Как только Николаев покинул Таганрог, в здоровье заболевшего царя наступил резкий перелом, приведший к трагическому концу 19 ноября 1825 года. После Александра осталось его завещание – осколок грандиозного плана. Но этот осколок привел к социальному катаклизму.

³⁶ Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990. С. 87.

³⁷ Междуцарствие в России с 19-го ноября по 14-ое декабря 1825-го года // Русская старина. 1882. Т. XXXV. С. 170.

Информация о статье

Автор: Сафонов Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; ORCID: 9532-2216; e-mail: m.safonov@list.ru

Заголовок: Речь Посполитая в контексте междуцарствия

Аннотация: Междуцарствие вызывало интерес исследователей главным образом потому, что оно явилось прелюдией к открытому выступлению декабристской конспирации. Причины, благодаря которым вопрос о престолонаследии вызвал династический кризис, чуть было не приведший к падению самодержавия в России, интересовали историков в гораздо меньшей степени, нежели события на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Между тем так называемое восстание декабристов в значительной степени явилось следствием тех же причин, вызвавших династический кризис, истоки которого следует искать в польской политике Александра I. Стремление российского императора, ставшего после Венского конгресса польским королем, восстановить Речь Посполитую в ее средневековых пределах во главе с цесаревичем Константином вызвало сопротивление различных слоев русского общества. Оно явилось одной из причин возникновения декабристской конспирации и, не будучи реализовано вследствие преждевременной кончины царя, запутало династическую ситуацию и спровоцировало выступление тайного общества.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Царство Польское, Александр I, цесаревич Константин, великий князь Николай, престолонаследие, междуцарствие

Библиографический список

- Арш, Григорий Львович.* Этеристское движение в России. Москва: Наука, 1970. 372 с.
- Архив графов Мордвиновых. Т. IV. С.-Петербург: Типография И.Н. Скороходова 1902. 673 с.
- Аскенази, Шимон.* Царство Польское. 1815-1830. Москва: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. 167 с.
- Белоусов, Михаил Сергеевич. Незамеченный дворцовый переворот // Вестник С-Петербургского Государственного Университета. История. 2021. Т.66. Вып. 1. С. 79-97.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.105>
- Высочков, Леонид Владимирович. Николай I. Москва: Молодая гвардия, 2003. 693 с.
- Вернадский, Георгий Владимирович.* Государственная Уставная Грамота Российской Империи 1820 года. Прага: Русская юридическая секция, 1925 263 с.
- Всепопданнейшая записка Н.Н. Новосильцева Александру I: историческая справка о соединении Литвы и Польши // Русская старина. 1882. Т. XXXV. . 142-144.
- Константиновский рубль. Москва: Финансы и статистика, 1991. 272 с.
- Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. (1814-1881). С.-Петербург: Издательство Н.Д. Сергеевского, 1907. 148 с.
- Мартенс, Федор Федорович.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. III. С.-Петербург: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1876. 549 с.
- Междуцарствие в России с 19-го ноября по 14-ое декабря 1825-го года // Русская старина. 1882. Т. XXXV. С. 147-216.
- Мироненко, Сергей Владимирович.* Страницы тайной истории самодержавия. Москва: Мысль, 1990. 237 с.
- Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. I. С.-Петербург: Типография Н. Тиблена, 1862. 240 с.
- Окунь, Семен Бенцианович.* История России. 1796-1825. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1948. 492 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXIII. С.-Петербург: Типография II С.Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1171 с.
- Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815-1830. Москва: Индрик, 2010. 583 с.
- Пресняков, Александр. Евгеньевич.* 14 декабря 1825 года. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1926. 226 с.
- Сафонов, Михаил Михайлович.* И. И. Дибич и декабризм // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16-17 мая 2013 г. Москва: Экон-информ, 2013. С. 601-608.

Сафонов, Михаил Михайлович. Речь Посполитая и «Московский заговор» 1817 года // Россия – Польша. Два аспекта европейской культуры. Материалы XVIII Царскосельской научной конференции. С.-Петербург: Серебряный век, 2012. С. 491-503.

Шильдер, Николай Карлович. Император Александр Первый. Т. III. С.-Петербург: А.С. Суворин, 1905. 569 с.

Шильдер, Николай Карлович. Император Александр Первый. Т. IV. С.-Петербург: А.С. Суворин, 1998. 567 с.

Шильдер, Николай Карлович. Император Николай Первый. Кн. I. Москва: Чарли: Алгоритм, 1997. 748 с.

14 декабря 1825 года и его истолкователи. Москва: Наука, 1994. 455 с.

Якушкин, Иван Дмитриевич. Записки, статьи, письма, документы. Москва: Издательство АН СССР, 1951. 740 с.

Information about the article

Author: Safonov Mikhail Mikhailovich — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia; ORCID: 9532-2216; e-mail: m.safonov@list.ru

Title: The Polish-Lithuanian Commonwealth in the context of the Interregnum

Abstract: The Interregnum aroused the interest of researchers mainly because it was a prelude to the overt action of the Decembrist conspiracy. The reasons why the issue of succession caused a dynastic crisis, which almost led to the fall of autocracy in Russia, interested historians to a much lesser extent than the events on Senate Square on December 14, 1825. Meanwhile, the so-called Decembrist uprising was largely the result of the same reasons that caused the dynastic crisis, the origins of which should be sought in the Polish policy of Alexander I. The desire of the Russian emperor, who became the Polish king after the Vienna Congress, to restore the Polish-Lithuanian Commonwealth in its medieval borders, led by Tsesarevich Konstantin, provoked resistance from various strata of Russian society. It was one of the reasons for the emergence of the Decembrist conspiracy and, not being implemented due to premature death of the tsar, confused the dynastic situation and provoked the secret society.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, Kingdom of Poland, Alexander I, Tsesarevich Konstantin, Grand Duke Nicholas, succession to the throne, Interregnum

References

- Arsh, Grigoriy Lvovich. *Eteristkoye dvizhenie v Rossi*. [The etheric movement in Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 372 p. (in Russian).
- Arkhib grafov Mordvinovykh. [Archive of the Mordvinov Counts]. Vol. 4. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov Publ., 1902. 673 p. (in Russian).
- Askenazi, Shimon. *Czarstvo Pol'skoe. 1815–1830* [The Kingdom of Poland. 1815–1830]. Moscow: Knigoizdatel'stvo pisateley v Moskve Publ, 1915. 167 p. (in Russian).
- Belousov, Mikhail Sergeevich. Nezamechennyy dvorcovyy perevorot [An unnoticed Palace revolution], in *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2021. Vol. 66. Issue 1. Pp. 79–97. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.105> (in Russian).
- Vyskochkov, Leonid Vladimirovich. *Nikolay I* [Nicholas I] Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2003. 693 p. (in Russian).
- Vernadskiy, Georgiy Vladimirovich. *Gosudarstvennaya Ustavnaya Gramota Rossiyskoy Imperii 1820 goda* [The State Charter of the Russian Empire of 1820]. Praga: Russkaya yuridicheskaya sektsiya Publ., 1925. 263 p. (in Russian).
- Vsepoddanneyshaya zapiska N.N. Novosiltseva Aleksandru I: istoricheskaya spravka o soedinenii Litvy i Pol'shi [The most obedient note of N.N. Novosiltsev to Alexander I: historical information about the union of Lithuania and Poland], in *Russkaya starina* [Russian Old Time]. 1882. Vol. XXXV. Pp. 142–144. (in Russian).
- Konstantinovskiy rubl'* [The Konstantinovsky ruble]. Moscow: Finansy i statistika Publ., 1991. 272 p. (in Russian).
- Konstitutsionnaya khartiya 1815 goda i nekotoryye drugiye akty byvshego Tsarstva Pol'skogo. (1814–1881)* [The Constitutional Charter of 1815 and some other acts of the former Kingdom of Poland. (1814–1881)]. St. Petersburg: N.D. Sergeevskiy Publ., 1907. 148 p. (in Russian).
- Martens, Fedor Fedorovich. *Sobraniye traktatov i konventsiy, zaklyuchennykh Rossiyye s inostrannymi derzhavami* [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers] Vol. 3. St. Petersburg: Ministerstvo putey soobshheniya (A. Benke) Publ., 1876. 549 p. (in Russian).
- Mezhdvuczarstvie v Rossii s 19-go noyabrya po 14-oe dekabrya 1825-go goda [The Interregnum in Russia from November 19th to December 14th, 1825], in *Russkaya starina* [Russian Old Time]. 1882. Vol. 35. Pp. 147–216. (in Russian).
- Mironenko, Sergey Vladimirovich. *Stranitsy taynoy istorii samodержавiya* [Pages of the secret history of autocracy]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 237 p. (in Russian).

- Nezdanny`e sochineniya i perepiska Nikolaya Mixajlovicha Karamzina [Unpublished writings and correspondence of Nikolai Mikhailovich Karamzin].* Part. I. St. Petersburg: N.Tiblen Publ., 1862. 240 p. (in Russian).
- Okun`, Semen Bencianovich. *Istoriya Rossii. 1796–1825 [The history of Russia. 1796–1825].* Leningrad: Leningrad University Publ., 1948. 492 p. (in Russian).
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe [The complete collection of laws of the Russian Empire. The first collection].* Vol. 33. St. Petersburg: II S.E.I.V. Kancelyariya Publ., 1830. 1171 p. (in Russian).
- Pol`sha i Rossiya v pervoj treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol`skogo. 1815-1830 [Poland and Russia in the first third of the XIX century. From the history of the Autonomous Kingdom of Poland. 1815–1830].* Moscow: Indrik Publ., 2010. 583 p. (in Russian).
- Presnyakov, Aleksandr Evgen`evich. *14 dekabrya 1825 goda. [December 14, 1825].* Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel`stvo Publ., 1926. 226 p. (in Russian)
- Safonov, Mikhail Mikhaylovich. I.I. Dibich i dekabrizm [Dibich and decabrism], in *Lichnost' v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh protsessakh rossiyskoy istorii. Materialy XVII Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii [Personality in political, economic, and cultural processes of Russian history. Proceedings of the XVII All-Russian scientific-theoretical conference].* Moscow, RUDN University, May 16–17, 2013. Moscow: Ekon-inform Publ., 2013. Pp. 601–608. (in Russian).
- Safonov, Mikhail Mikhaylovich. Rech' Pospolitaya i «Moskovskiy zagovor» 1817 goda [The Polish-Lithuanian Commonwealth and the "Moscow Conspiracy" of 1817], in *Rossiya – Pol`sha. Dva aspekta evropejskoy kul'tury`. Materialy` XVIII Czarskosel`skoy nauchnoy konferencii [Russia – Poland. Two aspects of European culture. Proceedings of the XVIII Tsarskoye Selo scientific conference].* St. Petersburg: Serebryanny vek Publ., 2012. Pp. 491–503. (in Russian).
- Shil'der, Nikolay Karlovich. *Imperator Aleksandr Pervyy [Emperor Alexander the First].* Vol. 3. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1905. 569 p. (in Russian).
- Shil'der, Nikolay Karlovich. *Imperator Aleksandr Pervyy. [Emperor Alexander the First].* Vol. 4. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1998. 567 p. (in Russian).
- Shil'der, Nikolaj Karlovich. *Imperator Nikolaj Pervyj. [Emperor Nicholas the First]* Kn. I. Moscow: Charli: Alogoritm Publ., 1997. 748 p. (in Russian).
- 14 dekabrya 1825 goda i ego istolkovateli [December 14, 1825 and its interpreters].* Moscow: Nauka Publ., 1994. 455 p. (in Russian).
- Yakushkin, Ivan Dmitriyevich. *Zapiski, stat`i, pis`ma, dokumenty` [Memoirs, articles, letters, documents].* Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951. 740 p. (in Russian).

Для цитирования статьи:

Сафонов М. М. Речь Посполитая в контексте междуцарствия. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 2. С. 68–80. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-68-80

For citation:

Safonov M. M. The Polish-Lithuanian Commonwealth in the context of the Interregnum. *Caurus*. 2022. Vol. 1(2). P. 68–80. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-68-80